

Изображения древнетюркских богов на резном дереве из Отрарского оазиса

В статье говорится об изображениях на деревянных плитах, найденных во время проведения археологических раскопок городка Куйрыктобе (в 6 км западнее Отырара)

Полевой сезон 1980 г. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР ознаменовался находкой уникального резного дерева, выявленного при раскопках цитадели городища Куйрыктобе, что в 6 км юго-западнее Отрара. В первый год были расчищены фрагменты горелого дерева с изображением розеток и геометрического орнамента [1, с. 432], в последующие годы появились плахи с изображениями человеческих фигур [2, с. 450-451], т.е. с сюжетными сценами. И понадобилось немало труда на месте раскопок и кропотливой многолетней камеральной работы коллектива археологов и реставраторов / К.М.Байпаков, Ю.А.Мотов, Ю.И.Трифонов, Л.Ф.Чарлина, Г.И.Тер-Оганьян и др., чтобы извлечь из земли все то, что как-то уцелело от интерьера парадного зала дворца и вернуть уникальным памятникам в какой-то мере первоначальный облик. Подавляющая часть резного дерева из Куйрыктобе хранится в Музее института археологии им. А.Х.Маргулана, две плахи – в Отрарском государственном археологическом заповеднике-музее. Большая часть уникального материала, собранного при раскопках дворца Куйрыктобе, введены в научный оборот К.М.Байпаковым и Г.А.Терновой.

Однако многие вопросы, связанные с интерпретацией изображений куйрыктобинского резного дерева остаются, на наш взгляд, весьма спорными.

Так, на основе куйрыктобинского материала была написана глава «Авестийская религия и династический культ (по материалам дворца)» в монографии отмеченных авторов – «Религии и культуры средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)». Вряд ли правомерна привязка большинства персонажей к «авестийской религии». Необходимо отметить, что в нашем исследовании были использованы фотографии и отрисовки куйрыктобинского резного дерева, представленные в публикациях К.М. Байпакова и Г.А.Терновой.

Резное дерево было выявлено при расчистке центрального зала 10,5x15 м куйрыктобинского дворца. Высота парадного зала определяется в пределах 5 м. Предполагается, что в парадном зале была применена система перекрытия типа «рузан» или дарбази, опиравшаяся на четыре колонны.

Вдоль стен в зале располагались суфы. Их ширина колеблется от 1 до 1,35 м, а высота сохранилась в пределах 20 см [3, с. 16]. Дворец погиб в результате пожара: внутренние плоскости стен и полы всех помещений обожжены на глубину до 4 см, считая слой обмазки.

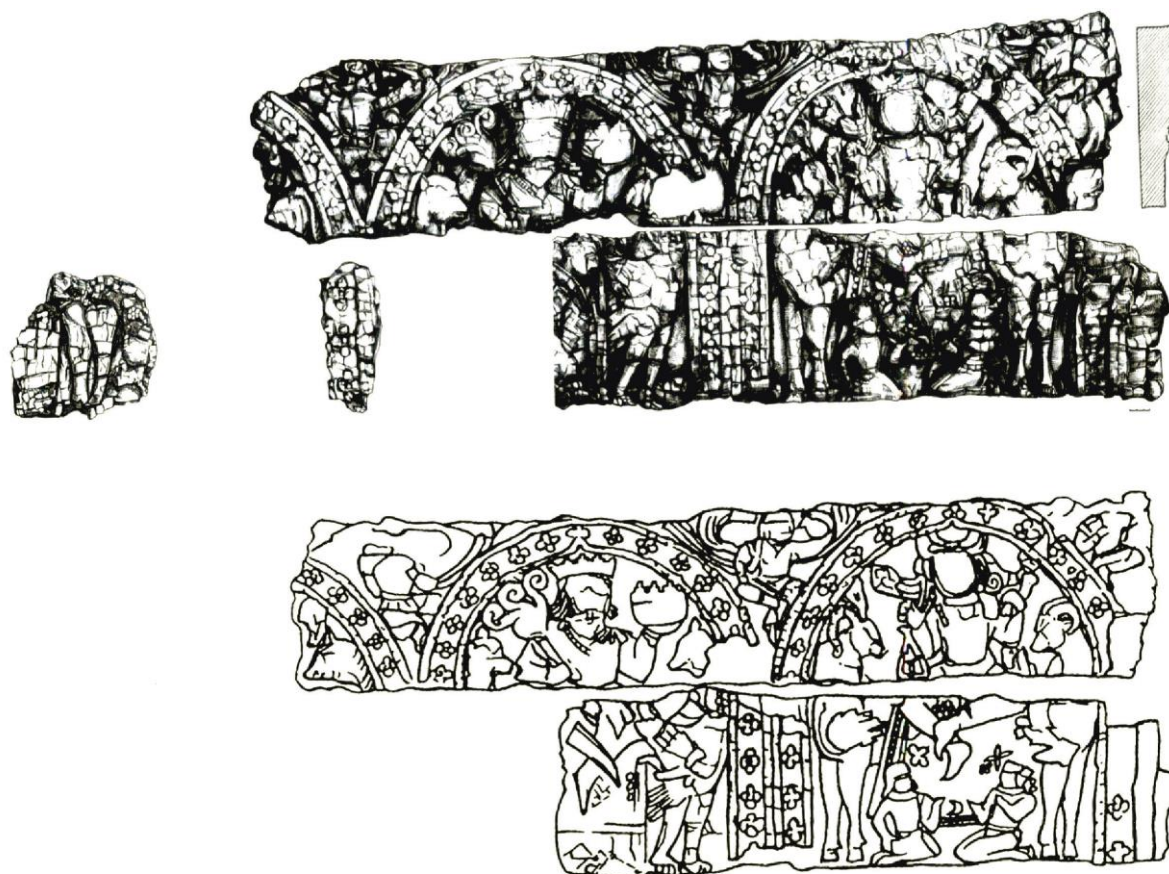

Рис.1. Древнетюркские божества Тенгри-Небо, Умай на зооморфных тронах. Центральная композиция на северо-западной стене за тронем правителя

В настоящее время высказаны две точки зрения о времени и причинах пожара. По мнению К.М.Байпакова, дворец сгорает в результате пожара в первой половине IX в. [3, с. 13]. К.М. Байпаков предполагает, что гибель цитадели Куйрыктобе можно сопоставить с походом в пределы Отрарского оазиса арабского отряда Фадла ибн Сахля, либо с походом саманида Насра I ибн Ахмада на Шавгар в начале второй половины IX в. [4, с. 58-59].

Проведенный нами сопоставительный анализ данных родословных «Насабнама» и археологии периода раннего средневековья Южного Казахстана показал, что ранняя исламизация региона началась в VIII в. с вторжением арабских отрядов и сопровождалась упорным сопротивлением местного населения. Военные действия нашли отражение в археологическом материале в виде следов пожаров, запустений на большинстве исследованных памятников Средней Сырдарьи, в сердцевине которого располагается Отрарский оазис и городище Куйрыктобе [5; 6]. Поэтому нет сомнения в том, что разрушение дворцового комплекса со всеми атрибутами «языческого» культа было связано с деятельностью арабов в VIII в. по искоренению следов религий «неверных» на территории Южного Казахстана.

Автор первой публикации горелого дерева К.М. Байпаков отметил, что на резной доске из цитадели Куйрыктобе изображены тюрки с явными монголоидными чертами: широкие безбородые лица, плоские носы, глаза с косым разрезом, что внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пенджикента, что аргументом в пользу тюркской принадлежности персонажей могут служить и одежда, и украшения, которые находят аналоги в соответствующих аксессуарах каменных изваяний Семиречья [4, с. 96].

Однако в последующих работах К.М.Байпаков и Г.А.Терновая, позабыв о монголоидных чертах изображений, посчитали, что «знатные персонажи, изображенные на резной доске из Куйрыктобе, видимо, являются представителями тюркского племени кангаров-кенгересов. Они, видимо, были потомками кангюйцев» [3, с. 76]. На основе таких предположений авторы книги делают следующее заключение: «Благодаря изображениям на резных досках из Куйрыктобе, мы имеем информацию, что памятник оставлен представителями тюркского

племени – кангарами-кенгересами, потомками кангюйцев, ведущими родословную от Сиявуша и исповедующими митраизм» [3, с. 77, 180].

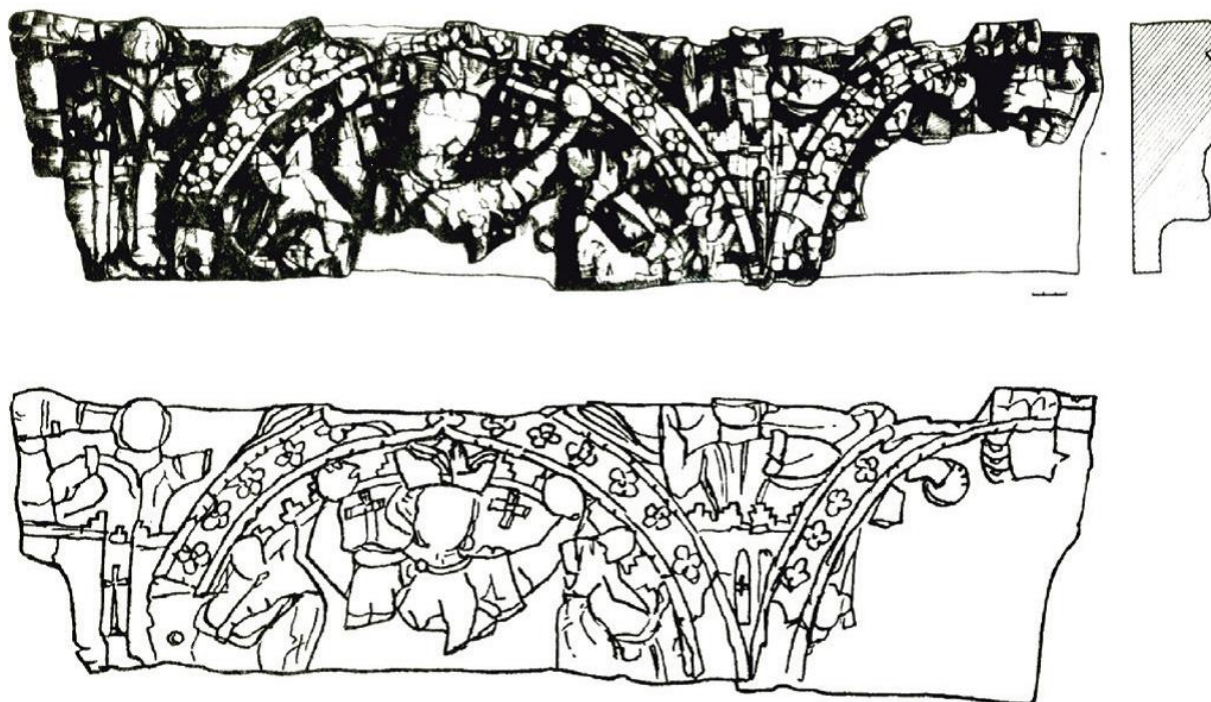

Рис.2. Манихейское божество «*kun aj tangri*» – «Бог Солнца и Луны»

На наш взгляд, этот вывод не аргументирован и совершенно не учитывает накопленные исторические данные о религии и культах Казахстана в период древних тюрков, традиционные представления тюркских народов. Согласно исследованиям Б.И.Вайнберг, «владение Кангюй», очевидно, было своего рода наследником древней Канхи туранцев. Какие-то легендарные представления о туранской «династии» Афрасиаба сохранялись в районе средней Сырдарьи, несмотря на «смены» этносов, вплоть до средневековья, что нашло отражение в эпоху Сельджукидов и Караханидов, когда династии этих правителей искусственно возводились к Афрасиабу» [7, с. 113-115; 8, с. 206]. Общеизвестно что тюркские народы считали своим прародителем Афрасиаба, а не Сиявуша.

На рассматриваемой доске, безусловно, изображены не представители кангаров-кенгересов. Вряд ли могли потомки кангюйцев так быстро приобрести выраженные монголоидные черты и другие этнические особенности, отмеченные в свое время К.М.Байпаковым в ранних публикациях о персонажах резного дерева [4, с. 96].

При анализе сюжетов горелого дерева Куйрыктобе необходимо помнить, что время строительства и функционирования дворца – это эпоха господства древних тюрков на территории Центральной Азии. В рассматриваемый период область Отрар-Тарбанд вместе с Чачом, Испиджабом (Сайрам) и Таразом представляла отдельное владение Тюркского кананата.

По мнению Г. Бабаярова, если город Чач (городище Мингурюк) был экономическим и культурным центром, то Тарбанд представлял военно-политический центр отмеченного владения. С VII в. власть в этом владении находилась напрямую в руках представителей рода Ашина – основателей Тюркского каганата [9, с. 58]. Поэтому на резном дереве вполне могли быть изображены персоны из рода Ашина – владельцы Куйруктобинского дворца, а сам замок-дворец представлять резиденцию наместников Тюркского каганата – правителей исторической области Чач.

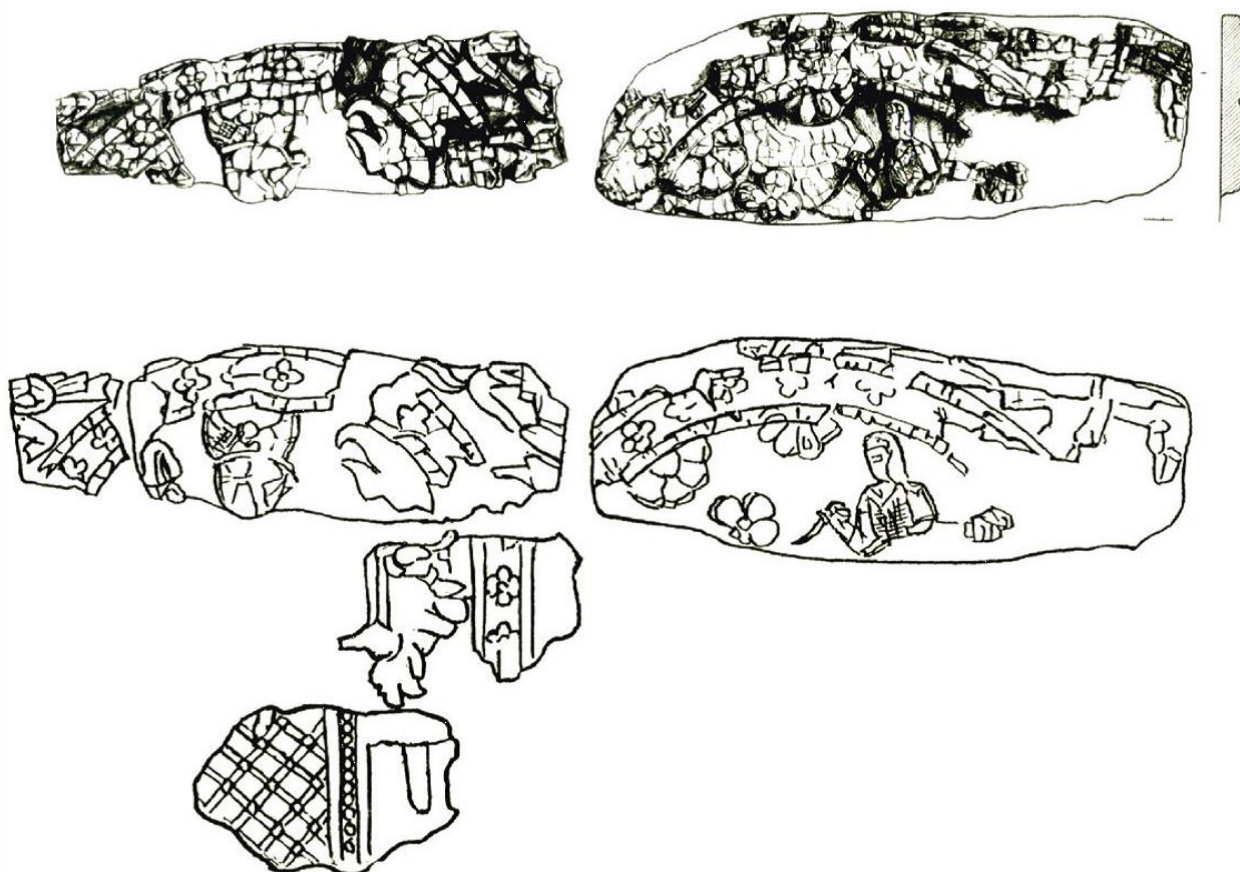

Рис.3. Изображение кагана, возможно, предка владельцев Куйрыктобинского дворца

На основе вышесказанного трудно согласиться с тем, что «на резных деревянных досках, украшавших парадный зал Куйрыктобе (VII – первая половина IX вв.), изображены авестийские боги» [3, с. 180]. Логичнее всего предполагать в аудиенц-зале дворца представителя правящей тюркской элиты изображения тюркских богов.

Судя по находке крепежных деталей трона [3, с. 51], зал с резным деревом представлял приемный зал дворца. О том, что Куйрыктобинский дворец был неординарным сооружением, свидетельствует не только отсутствие на сегодняшний день прямых аналогов сооружению, но и использование для украшения стен дворца редкого дерева со сложной резьбой. По мнению К.М.Байпакова и З.Ж.Шарденовой, «в Средней Азии впервые был получен столь богатый комплекс резных досок с культовыми и светскими сценами» [10, с. 222]. Причем для резного декора была использована арча – можжевельник, которая не произрастает на территории Отрарского оазиса. Ближайшие леса из арчи располагаются на территории Западного Тянь-Шаня, в районе нынешнего заповедника Аксу-Жабаглы, где растут самые мощные в Казахстане деревья арчи высотой до 20м и более одного метра в диаметре [11, с. 32]. Изготовление высокохудожественных изделий требовало комплекса мер по обработке сырья (материала), в ходе которого происходит получение готового продукта [12, с. 187-193]. Выбор и заготовка материала и доставка арчи из горных районов, привлечение мастеров художественной резьбы требовали значительных затрат, что также свидетельствует о возможностях хозяина дворца.

Судя по находке деталей трона, северо-западная стена помещения является наиболее важной и почетной. Поэтому рассмотрим изображения на резных досках, располагавшихся за спиной сидящего на троне правителя.

В центральной части находилась композиция, состоящая из трех арок. Под центральной аркой помещено изображение божества, сидящего на троне в короне со ступенчатыми зубцами. В левой преподнятой руке он держит зубчатую корону, в правой руке – жезл (Рис. 1). К.М.Байпаков и Г.А.Терновая предполагают, что божество в короне является Митрой Ахурой, «он изображен в сцене инвеституры с короной (символом суверенитета) в левой руке, символически венчая на власть правителя» [3, с. 56]. Мы согласны с предположением, что данная композиция резного дерева представляет инвеститурную

сцену. Однако логичнее предположить, что божество в короне, венчающее тюркского правителя, скорее всего, является не Митрой Ахурой, а тюркским божеством.

Верховным божеством у древних тюрков считался Тенгри-Небо [13, с. 213-214; 14, с. 265]. Как пишет С.Г.Кляшторный, по воле Неба правили каганы, которые именовались «Небоподобными и на Небе рожденными», по воле Неба тюрки одерживали победы или терпели поражения, Небо и Земля-вода спасали тюркский народ в лихую годину, тюркские ханы в своих надписях постоянно призывают Небо быть благосклонным к ним [15, с. 150].

В большой надписи в честь Кюль-тегина говорится о божественной воле, давшей власть Бильге-кагану:

«Имя [и] слава тюркского народа
Да не исчезнуть!» – сказав,
Моего отца-кагана, мою мать-катун
возвысившее небо,
небо, дающее государства, –
«Имя [и] слава тюркского народа
Да не исчезнуть! – сказав,
вот так посадило [и меня] каганом» [16, с. 24].

В этом же тексте говорится о божественном избрании каганом Ильтериш-кагана:

«Вверху небо тюрков,
Тюркская священная земля-вода так сказали:
«Да не исчезнет тюркский народ! – они сказали. –
Да будет он народом!» – они сказали.
Моего отца Ильтериш-кагана,
Мою мать Ильбильге-катун
Небо, поддержав со своей высоты,
Вот так возвысило» [16, с. 19].

Представления о главном божестве сохранялись и в этнографическое время у многих тюркских народов. «Небо – это высочайшее божество в шаманстве. Кок-тэнгри – Синее небо. ... Небо было свободно в своих поступках, оно награждало и карало. От его воли зависело благополучие людей и народов» ,– пишет Ч.Ч.Валиханов, рассматривая следы древних верований у казахов [17, с. 58].

Примечателен зооморфный трон, на котором сидит божество. По мнению К.М.Байпакова и Г.А.Терновой, у зооморфного трона львиные ноги, туловища птиц с приподнятыми крыльями и головы агнцев (овец) [3, с. 54].

Последнее больше похоже на голову волка. Один из них почти идентичен изображению головы волка на фрагменте из соседней третьей арки [3, с. 54].

Бильге-каган сравнивает войско своего отца с волком:

«Так как небо дало [им] силу,
Войско моего отца-кагана было подобно волку» [16, с. 20].

Отмечая огромное значение волка для древнетюркской элиты, Л.Н.Гумилев писал: «Слово «Ашина» значило «волк». По-тюркски волк – бури или каскыр, а по-монгольски шоночино. «А» – префикс уважения в китайском языке.

Следовательно, «Ашина» значит «благородный волк». Китайские авторы считают «тюркский хан» и «волк» синонимами, видимо, опираясь на воззрения самих тюркских ханов. ... Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах и, наконец, в двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице» [18, с. 22–23].

Самашев, рассматривая «комплекс волк – знамя», считает, что волк мог выступать в качестве символа, атрибута бога войны [19, с. 206–208].

Слева от центральной фигуры изображено женское божество, которое также восседает на троне в виде фантастического животного с конским туловищем и конскими ногами, крыльями птицы и головами козла и барана [3, с. 57–58]. В правой руке божество, как нам кажется, держит вроде мешочка.

У ног божества изображены два коленапреклоненных персонажа, размеры которых, как минимум, в разы меньше основного персонажа (Рис. 1).

Сцена коленапреклонения известна на валуне в урочище Кудырге, где изображены женщина и ребенок, сидящие в величественных позах и принимающие поклонение от трех гораздо меньших по размеру спешившихся всадников. Согласно выводам Л.Р.Кызласова и

С.М.Ахинжанова, величественная женщина в «трехрогой» тиаре на голове – общетюркская богиня Умай [20, с. 68–70].

Примечателен головной убор женского божества. Верхняя часть напоминает рога. В нижней части убора четко прослеживается роговидый завиток. Особенности головного убора имеют определенную общность с головными уборами половецких женщин. Согласно С.А. Плетневой, «основной частью головного убора были «рога», сделанные из серебряных выпуклых штампованных полуколец, нашитых на войлочные валики. Подавляющее большинство каменных женских изваяний изображались именно с такими «рогами» [21, с. 124; 22, с. 220, рис. 89].

Вышесказанное позволяет предполагать, что женское божество на резном дереве является изображением общетюркской богини Умай. Она входила в триаду высших божеств тюрков и являлась богиней плодородия, покровительницей домашнего очага и детей [13, с. 215; 20, с. 68–70]. Вышесказанное позволяет предполагать, что женское божество на резном дереве является изображением общетюркской богини Умай. Она входила в триаду высших божеств тюрков и являлась богиней плодородия, покровительницей домашнего очага и детей [13, с. 215; 20, с. 68–70]. Изображение женского божества на троне в виде фантастического животного с конским туловищем и конскими ногами, крыльями птицы и головами козла и барана не случайно. Киргизы вспоминали о божестве Умай в наиболее счастливые и урожайные годы, при обильном урожае и умножении скота говорили: из груди матери Умай молоко течет [23, с. 276]. У казахов божество Умай было известно как Май ана, т.е. «мать Май».

При первом визите в юрту свекра, когда невестка бросала сало или наливала масло в очаг, женщины приговаривали: «От-ана, Май ана, жарылқа», т.е. «Мать-огонь, мать Май, благослови» [24, с. 43]. Примечательно, что Бийликульская личина с «трехрогим» головным убором найдена у села с названием Майтобе [20, с. 66]. В местности Майбулак Южно-Казахстанской области нами было обнаружено древнетюркское изваяние и могильник [25, с. 52-53; 5, 123-128.]. Согласно топонимическому словарю Е. Койчубаева, на берегах родников, известных как Майбулак, встречаются тамги или изображения на камнях [26, с. 184]. Видимо, топонимы Майтобе, Майбулак на территории Центральной Азии связаны с культом древнетюркского божества Ума.

К сожалению, до нас не дошла большая часть доски под третьей аркой. Сохранилась лишь голова волка (Рис. 1), которая по аналогии с вышеотмеченными сценами, скорее всего, представляла деталь трона божества.

– «Под аркой, расположенной справа от центральной, сохранилось изображение головы волка или собаки, являющейся левой верхней частью зооморфного трона» [3, с. 54]. Можно предположить, что под третьей аркой было изображено третье высшее божество тюрков – священная Земля-Вода.

Сохранился фрагмент доски размером 90 x 25 см, относящийся к левой части композиции северо-западной стены. Под сохранившейся аркой изображено божество, держащее в поднятых руках круглые предметы. На голове божества – крылатая корона (Рис. 2). За главным персонажем изображен полукруг со ступенчатыми зубцами, характерный для укреплений.

За спиной божества два воина, стреляющие из луков. За арками слева и справа даны изображения крепостных стен, с несоразмерно увеличенными относительно стен фигурами [3, с. 59]. К.М.Байпаков и Г.А.Терновая предполагают, что это богиня Нана-Анахита [3, с. 61]. Однако нет никаких конкретных свидетельств, что древние тюрки почитали эту богиню. Поэтому для идентификаций божества, держащего в поднятых руках светила и других персонажей, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на материалы, свидетельствующие о распространении манихейства у тюрков.

Согласно данным С.Г.Кляшторного, к середине VIII в. манихейство процветало на территории Восточного Туркестана и Семиречья. Манихейские монастыри были в Аргу-Таласе, Йананкенте, Ордукенте, Чигильбалыке, Кашу [27, с. 353]. По мнению Б.А.Литвинского, Е.Б.Смагиной, манихейская традиция имела в Восточном Туркестане глубокие корни, так как учение Мани распространилось здесь уже в VII–VIII в. [28, с. 526].

Казахстанскими учеными также накоплен материал о распространении манихейства на территории Южного и Восточного Казахстана. Второй раздел книги Ю.А.Зуева о ранних тюрках называется «О тюркском манихействе», где отмечается, что в древнетюркское время в

орбиту манихейских конфессиональных связей было вовлечено большинство тюркских племен, в первую очередь западные тюрки, тюргеши и кара тюргеши с входившими в их состав племенами [29, с. 259]. Т.Н. Сенигова выявила на территории Тараза ряд материалов, свидетельствующих о бытовании манихейской религии у жителей Тараза и его обширной округи в VI–VIII вв. [30, с. 98–102]. С середины VII в. племена кимеков приняли манихейство.

Ал-Идриси, сообщая о странах кимаков и карлуков, отмечает, что они манихеи: «Кимаки исповедуют сабейскую религию, поклоняются солнцу и ангелам» [31, с. 18].

По мнению Ю.А. Зуева, идолопоклонство было важной частью манихейской религии, где человекоподобные идолы считались воплощением и символами божественных светил – Солнца и Луны, последних станций на пути к Свету-Раю. Причем зороастрийцы-огнепоклонники Ирана относились крайне враждебно к антропоморфным идолам манихеев и были полны желания сжечь капища идолопоклонников. Ю.А. Зуев пишет, что похожие чувства испытывал по отношению к зороастрийским храмам огня тюрк-манихеец Сава во время похода на Иран в 588 г. и ссылается на Фирдоуси: «В Иран отправился Сава-шах ..., чтобы сравнить с землей храмы огня» [29, с. 195].

По сообщению Абу Райхан Бируни, Мани говорил: «Люди [других] религий порицают нас за то, что мы поклоняемся Солнцу и Луне и воздвигаем им изображения в качестве идолов, ибо не ведают их подлинной сущности, а именно того, что они являются нашими путями и вратами в мир нашего бытия» [29, с. 195]. В манихейской доктрине Солнце и Луна занимали важное место. Солнце и Луна являлись единственными светлыми божественными сущностями, доступными в материальном мире. Луна служит жилищем божеств-демиургов, на ней происходит окончательное очищение Души живой, которая затем в качественно возрожденном чистом состоянии через Солнце поднимается к Свету (Раю). Бог Луны обладал неотъемлемым свойством богов – «мудрым знанием», он был властелином, воскрещающим мертвых [29, с. 194-195].

По мнению Ю.А. Зуева, в тюркско-тохарском гимне богу Мани был представлен и как *kip aj tangri* – «Бог Солнца и Луны» [29, с. 197]. Возможно, божество, держащее в поднятых руках светила, является «Богом Солнца и Луны». Примечательно, что на монетах тюркских правителей Чача имеются изображения полумесяца и звезды. На монетах с тюркскими титулами «каган» изображен сидящий прямо правитель со скрещенными ногами на троне. Голова повернута вправо, слева изображены полумесяц и звезда [32, с. 53].

Рис.4. Изображение семьи владельца Куйрыктобинского дворца

Следы древних верований, связанных с небесными светилами, сохранялись у казахов и в период позднего средневековья. «... Казахи, – отмечал Ибн Рузбихан, – когда пришла весна и появился кумыс, прежде чем налить кумыс в сосуд и выпить, до того, как взять его в рот, обращают свое лицо к солнцу... все совершают земной поклон солнцу. Наверное, это есть проявление благодарности солнцу за то, что оно выращивает травы, которыми питается лошадь, и появляется кумыс» [33, с.108]. Ч.Ч.Валиханов, рассматривая космологические понятия у казахов, писал, что они верят во влияние звезды на человеческое счастье, что каждая звезда соответствует душе какого-нибудь человека на земле. «Когда киргизы видят падающую звезду, то говорят ... (моя звезда выше!). Счастливого человека, покровительствуемого судьбой, называют «человеком со звездой» ... Луна, вероятно, была божеством. Киргизы (казахи) при виде новой луны делают земные поклоны и летом берут с того места, где делали поклоны, траву, которую, придя домой, бросают в огонь. Киргизы говорят, что на луне есть старуха ... Киргизы (казахи) не смотрят долго на луну, боясь, чтобы старуха не сосчитала ресниц, если это случится, то человек должен умереть» [17, с. 57-58]. К разряду высших благопожеланий счастья относилось: «Айың тусын оңынан, Жұлдызың тусын солыңнан», что дословно можно перевести: «Пусть родится Луна с правой стороны, а Звезда с левой стороны». Пожилые казахи и сейчас при виде новолуния, т.е. при виде появления на небосводе лунного серпа, произносят благопожелание.

Изображение на доске из Куйрыктобе, сцена осады (Рис. 2), также объяснимо с точки зрения манихейства. Как пишет Ю.А.Зуев: «Основным принципом манихейской религиозной доктрины был господствующий дуализм, извечность существования четко противостоящих одна другой двух основ или корней – Света (Истины) и Мрака (Лжи), Добра и Зла. Некогда Свет и Мрак пребывали по отдельности, но злокозненный Мрак, во всем завидовавший Свету, объявил ему войну. Пять стихий воинов Света (бог легкого ветра, бог ветра живого, бог света живого, бог воды, бог огня) под предводительством Первочеловека вступили в борьбу со стихиями – антиподобиями» [29, с. 187]. На основе вышесказанного можно предполагать, что в данной композиции изображена сцена борьбы

Света (Истины) и Мрака (Лжи), Добра и Зла, а фигуры персонажей с дубинками или палицами представляют «пять стихий воинов Света».

Под нишами северо-западной стены располагались доски с изображением колонн, с которых спускаются гирлянды. Между колоннами помещены танцовщицы и музыканты [3, с. 66]. По наблюдениям А.М.Беленицкого, среди манихейских фрагментов живописи из Восточного Туркестана часто встречаются изображения музыкантов и музыкальных инструментов, в гимнах и псалмах манихеев также постоянно упоминаются музыкальные инструменты [34, с. 74]. На иллюстрации к манихейской книге из Турфана мы видим сидящего музыканта [29, рис. 1]. По мнению Ю.А. Зуева, живопись была обязательным и отличительным атрибутом манихейства и играла не только эстетическую, но и наглядно-воспитательную и большую пропагандистскую роль [29, с. 191].

К сожалению доска, располагавшаяся в правой части стены и ориентированная на юго-запад, имеет плохую сохранность. Под центральной аркой находится божество, у которого из сохранившихся деталей можно определить только зубчатую корону. В соседней, расположенной справа арки, изображен бог в гофрированной короне с фигуркой птички в левой руке [3, с.68]. На последней арке, на наш взгляд, сохранилась часть лунного серпа, что позволяет связать данное изображение также с манихейством.

Необходимо отметить, что сохранившиеся фрагменты колонн и перекрытия украшены цветами и другими элементами растительного узора [3, с. 46-47, рис. 21, 22]. По мнению Ю.А.Зуева, растительный мотив обычен для книжно-иллюстративной живописи и настенных рукописей манихеев [29, с. 191].

В центральной части северо-восточной стены располагалась доска с изображением четырех фигур (Рис. 4). По интерпретации К.М.Байпакова и Г.А.Терновой, «изображены родители, с двух сторон от них – дети (правители и подчиненные в системе государства)» [3, с. 70]. То есть, здесь представлена семья правителя. В отличие от всех изображений божеств и других персонажей, лица и одежда правителя тщательно проработаны художником – свидетельство о том, что они являются реальными историческими лицами.

В левой части композиции северо-восточной стены была расположена ниша с доской, собирающейся из пяти фрагментов. Под центральной аркой изображен персонаж, сидящий на ковре в крылатой короне, на его левой руке сидит несоразмерно увеличенная хищная птица – сокол или орел. Под аркой слева от центральной фигуры изображен воин, держащий в правой согнутой руке кинжал с изогнутым лезвием (Рис. 3). По предположению К.М.Байпакова и Г.А.Терновой, в композиции северо-восточной стены пересказана легенда о герое иранского эпоса Сиявуше, а воин, держащий в правой руке кинжал, есть убийца Сиявуша [3, с. 72].

На наш взгляд, логичнее предположить, что в композиции с изображением персонажей – правителей – черты лиц и одежда которых соответствуют тюркским, должна быть передана не легенда о герое иранского эпоса, а сцены, связанные с предками заказчика – хозяина Куйрыктобинского дворца.

И действительно, крылатая корона персонажа под центральной аркой весьма напоминает крылатую корону, что изображена на головном уборе мраморной скульптуры Кюльтегина, найденной в 1958 г. Примечательна и золотая корона с изображением в центральной части беркута с распростертыми крыльями, что была найдена при раскопках поминального памятника в честь Билге кагана 2001 г. По мнению археолога Довдойн Баяра, изображение птицы на головном уборе является титульным знаком правителей тюрков [35, с. 217, рис. 2].

Изображение вправо от персонажа с короной несоразмерно увеличенной хищной птицы – еще один признак богоизбранности его. Согласно исследованию Г.Н.Симакова, ловчая птица являлась одновременно и символом власти, и существом, которое санкционировало (магически) эту власть [36, с. 121]. На основе вышесказанного мы предполагаем, что центральный персонаж с короной является изображением тюркского кагана, возможно, предка владельцев Куйрыктобинского дворца. Что же касается сцены угрозы центральному персонажу со стороны воина, держащего в правой руке кинжал, то его также можно объяснить на основе орхонских текстов:

«Справа народ табгачей был врагом,
Слева народ токуз-огузов Баз-кагана
Был врагом.

Кыргызы, курыканы, отуз-татары,
Кидани, татабийцы – все были врагами
Мой отец-каган столько...
Сорок семь раз он ходил с войском [в поход],
Дал двадцать сражений.
Так как небо оказало милость,

.....

Мой отец-каган, таким образом государство [и]
законы (власть приобрета) умер» [16, с. 21].

Приведенные выше сопоставления дают возможность предполагать, что раскопанный дворец Куйруктобе является резиденцией тюркских правителей-наместников области Кангу Тарбанд – Чач, разрушенной в ходе завоевательных походов арабов в VIII в., что в зале дворца были изображены божества древних тюрков, принявших манихейство, что на одной из композиции передано изображение тюркского кагана из рода Ашина, скорее всего, предка владельца Куйруктобинского дворца.

М. Кож

Литература

1. Байпаков К.М. Раскопки городища Куйруктобе // Археологические открытия 1980 года. – Москва, 1981.
2. Байпаков К.М. Работы на Отраре и Куйруктобе // Археологические открытия 1982 года. – Москва, 1984.
3. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005.
4. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986.
5. Қожа М. Оңтүстік Қазақстан облысы аймағындағы көне түркілерден қалған ескерткіштерді зерттеу мәселелері // Түркология, 2008, № 5-6. 123-128-бб.
6. Кож

20. Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978.
21. Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990.
22. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.
23. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
24. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. – Алма-Ата, 1991.
25. Ходжаев М.Б. Древнетюркское изваяние из Майбулака // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 70-летию организации Чимкентского областного историко-краеведческого музея. – Алма-Ата, 1990.
26. Қойшыбаев Е. Қазақстанның жер-су аттары сөздігі. – Алматы, 1985.
27. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М., 1992
28. Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.– М., 1992.
29. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
30. Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза // Известия АН Каз ССР. Серия металлургии, обогащения и огнеупоров. Вып. 3. – Алма-Ата, 1960.
31. Кумеков Б. Сообщение ал-Идриси /XII в./ о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата 1981.
32. Бабаяров Г. Чач в период тюркского каганата // Археология и история Центральной Азии. – Самарканд, 2004.
33. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.
34. Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. – М., 1954.
35. Довдойн Баяр. Археологическое изучение поминального памятника в честь Билге кагана // Труды центрального музея. Т. 1. – Алматы, 2004.
36. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии. – СПб., 1998.

Статья опубликована в Түркологиялық жинақ. Жауапты редакторлары: Ескеева М., Аманжолова Д. – Астана, «Сарыарқа» баспа үйі, 2012. – 768 б.